

Трое братьев из семьи Чэн лежали на печи в одинаковой позе — все трое поглаживали животы.

Сегодня наелись до отвала! Мясо ели сколько влезло, риса тоже наедались вдоволь!

— Третий брат, разве такое питание будет всегда? — спросил Чэн Лаосы. — Сегодня будто бы праздник! У нас даже на Новый год так не едят!

— Да уж, третий брат, четвёртый брат, — подхватил Чэн Лаову, — если так и дальше будет, это просто райское блаженство! Прямо как во сне!

— Сегодня первый день, — осторожно заметил Чэн Лаосань, — может, потом уже не так пойдёт. Но хозяин точно не даст голодать. Мясо или нет — не важно, лишь бы наесться. Хозяин хороший: всё новое, чистое. Главное — стараться, и жизнь у нас точно наладится.

Именно сегодняшняя еда и изобилие припасов в кладовых показывали: у хозяина есть средства и надёжная опора.

И у работников появилась уверенность: надо усердно трудиться, чтобы оправдать доверие такого господина.

В соседней комнате трое братьев Лю обсуждали то же самое:

— Такого питания мы ещё не видывали!

— И работа сегодня лёгкая, — добавил кто-то. — Всего лишь таскать да переносить. Если бы пошли на повинности — там работа куда тяжелее.

А тут ещё и одежда новая — с ног до головы, и постельные принадлежности свежие. Одних только еды, одежды и постели хватило, чтобы полностью завоевать их расположение.

— Раньше видели, как другие уходят в работники, — сказал один из братьев. — Измучиваются до полусмерти! Поэтому мы и не соглашались: слишком тяжело и совсем нет свободы.

Многие годами пахали как волы, а в итоге почти ничего не зарабатывали, да ещё и здоровье подрывали.

А в дом Ванов пошли не просто так: во-первых, господин Вэнь явно не из жестоких; во-вторых, им и правда требовалось много работников.

Старший племянник рассказывал, что учитель — человек добрый и спокойный.

Новая школа ещё не построена, занятия пока проходят в западном флигеле. Тридцать-сорок детей разделили на две группы. Сейчас особых дел нет — весь день преподают, стараясь дать детям как можно больше знаний.

— Может, сегодня так хорошо только потому, что первый день. Завтра, глядишь, уже не так будет, — сказал один из братьев. — Лучше спать. Завтра с утра надо будет вычистить лошадь. Слышал, ещё буйволов купят? Надо заранее подготовить хлев...

У хорошего работника глаза должны быть открыты: не ждать, пока хозяин прикажет, а самому видеть, что нужно сделать. Иначе какой из тебя работник? Надо всё делать так, чтобы у хозяина не было ни единого замечания.

Он знал одного работника, который именно так и служил у своего господина.

***

На следующий день Вэнь Жунь велел Чэн Лаосаню запрячь повозку и повёзти его в уездный город.

Сначала они отправились в уездную управу, чтобы купить землю. Вокруг Ляньхуаао было немало бесхозных участков, прежде пустовавших. Вэнь Жунь сразу приобрёл более ста му, прибавив к оставшимся от семьи Ван двадцати му — итого получилось двести му.

А для Ван Цзиня он дополнительно докупил землю, чтобы набралось ровно двадцать му — это максимальный объём, который один мужчина мог обрабатывать в одиночку за год.

Если у него будут волы или буйволы, потенциально можно осилить и пятьдесят му, но это будет очень тяжело. Обычно же одному человеку нужно минимум десять му, чтобы прокормить себя. Остальные десять му — для уплаты налогов и продажи на рынке, чтобы купить масло, соль, соевый соус, уксус и прочие необходимые продукты... Вот почему крестьянская жизнь так трудна!

Теперь у Вэнь Жуня было двести двадцать му земли. Он также оформил документы на усадьбу, включая дом, который планировал построить для Ван Цзиня в следующем году, — право собственности уже заранее записали на имя мальчика, чтобы тот чувствовал себя увереннее.

Когда Вэнь Жунь выходил из ворот, ему повстречался Юань Дао. Тот настоял на том, чтобы угостить его обедом. В итоге пришлось согласиться — пообедали в трактире у старшего брата Чжана.

Алкоголя не пили — сразу после обеда отправились на рынок скота.

В уездном городке был небольшой рынок для продажи лошадей и волов. Там предлагали двух

здоровых молодых буйволиц, только что достигших зрелости. Цена была высокой — по сто лянов серебра за голову!

Ещё один продавец предлагал старого буйвола, которому оставалось жить недолго и который уже почти не годился для работы, но зато стоил всего пятьдесят лянов.

Также нашлись два торговца лошадьми, один постоянно занимался ослиами, а другой — мулами: у него было штук семь-восемь.

Вот и весь рынок: скота немного. Зато рядом находился так называемый «рынок людей» — место продажи слуг и рабов. Там народу было гораздо больше.

Вэнь Жунь впервые попал на такой «человеческий рынок». Он ожидал увидеть несчастных, измученных людей в отчаянии, но оказалось иначе.

Этот «рынок людей» формально относился к рынку скота — ведь люди низшего сословия (цзяньцзи) считались равными скоту и могли свободно продаваться и покупаться. Однако, несмотря на такое уничижительное положение, сам рынок был удивительно чистым и опрятным.

Продавцы носили чёрную простую одежду, не выглядели злобными и не приставали к прохожим, не зазывали покупателей.

Сами «товары» — то есть слуги — находились в полузакрытом большом помещении. Покупатели могли видеть их сквозь открытую переднюю часть, а те, в свою очередь, видели покупателей.

Одежда у них была не новая, но чистая и аккуратная. Все выглядели ухоженно, собрались небольшими группами и спокойно разговаривали, временами даже раздавался смех.

Всего здесь было человек тридцать-пятьдесят, включая две семьи, явно состоявшие из родственников.

Но одна пара особенно привлекла внимание Вэнь Жуня: средних лет женщина, прижимавшая к себе подростка. Они сидели особняком, ни с кем не общаясь. У женщины на одежде были заплатки, зато мальчик был одет очень прилично и аккуратно.

Судя по всему, это были мать и сын.

Вэнь Жунь взглянул на юношу: глаза у него были ясные и чистые, но лицо полностью разглядеть не удалось.

Сама женщина выглядела опрятной и вела себя с достоинством и воспитанностью — явно из знатной семьи. Вэнь Жунь задумался.

Тётя Цуйхуа, будучи одинокой женщиной без мужа, живёт у них в доме одна. В деревне, может, и не осуждают, но другие могут начать сплетничать.

Лучше купить слугу — в доме и так много мелких дел, которые требуют женских рук.

— А эти мать с сыном — что за история? — спросил Вэнь Жунь.

Продавец тут же почтительно подошёл:

— Эти двое приехали с севера. Говорят, из знатной пекинской семьи, попавшей в опалу. Их выставили на продажу и велели продать подальше от столицы. Двое вместе — тридцать лянов серебра.

— Хм? — Вэнь Жунь не сказал ни «дорого», ни «дёшево». Он просто молчал, не выражая никакого мнения.

Продавец, конечно, продолжил:

— Цена, может, и кажется низкой, но женщина-то неплохая. Из знатного дома — разве могут быть без достоинств? Она многое умеет, воспитана как надо. Говорят, раньше служила при госпоже в качестве приданной служанки. А это её сын. Слышно, даже грамоте немного обучен. Только вот разлучать их нельзя: мать готова терпеть любые побои, лишь бы сына не отобрали. Мне их жалко стало — вот и не удавалось продать...

Тридцать лянов серебра — сумма, честно говоря, ни велика, ни мала.

Ведь подросток в этом возрасте ест как волк, а толку от него пока немного: силы ещё маловаты для тяжёлой работы.

— Если вы заинтересованы, — почтительно склонил голову продавец, руки сложив перед собой, — могу спросить у них, согласны ли они?

— Можно, — кивнул Вэнь Жунь. — Я недавно получил степень цзюйжэня. В доме есть младшая сестра — нужен человек, чтобы за ней присматривать. Да и вообще по дому: стирка, уборка. Повариха у нас уже есть. А её сына можно взять в ученики — пусть будет моим мальчиком на побегушках или даже писцом. Остальное — не нужно: у нас есть долгосрочные работники, тяжёлых дел делать не придётся.

— Отлично, отлично! — продавец поспешил внутрь и долго что-то шептал матери с сыном.

Женщина долго и пристально смотрела на Вэнь Жуня, потом неуверенно кивнула, поднялась и, робко кланяясь, подошла к нему с сыном:

— Рабыня кланяется господину.

— Как тебя зовут? — Вэнь Жунь подошёл ближе. Хотя женщина уже не была молода, она держалась аккуратно и опрятно, одета была чисто и скромно. В движениях и осанке чувствовалась настоящая благовоспитанность — не похожа она была на обычную прислугу, скорее напоминала управляющую или доверенную служанку из знатного дома.

Её заискивающая робость казалась естественной, но на самом деле в ней всё ещё таилась гордость. Просто ради сына она была вынуждена унижаться.

Видимо, если бы она не скрывала своей сообразительности и ума, её давно бы купили.

— В прежнем доме меня звали Инъинь, — тихо ответила женщина. — Потом вышла замуж, мужа звали Чэнь Цян, и меня стали звать «жена Чэнь Цяна». Потом муж умер от болезни, а прежняя госпожа сочла меня несчастливой и велела уйти, взяв с собой ребёнка.

Она хорошо знала порядки: у таких, как она, настоящих имён и фамилий нет. Неизвестно, кто их предки. Если господин в хорошем расположении духа — может пожаловать имя или фамилию, и это считается обычным делом. Поэтому она не называла своего имени — предоставляла Вэнь Жуню решать.

Как он захочет её называть — так и будет. Такова горькая участь людей низшего сословия.

У них нет родословной, нет корней. Даже если они когда-нибудь получат свободу и станут простыми людьми, их потомки смогут сдавать экзамены лишь через три поколения. Ведь на любом экзамене требуется указать полное имя и перечислить три поколения предков с их социальным статусом.

Например, сам Вэнь Жунь должен был написать: отец — суйцай (степень «цветущего таланта»), дед — простой крестьянин, прадед — тоже суйцай.

А у людей из низших сословий предков просто нет — и поэтому им запрещено участвовать в экзаменах.

Вэнь Жунь немного подумал:

— Придумай себе имя сама. Назовись, как хочешь. У меня в деревне — не город, нечего церемониться.

— Тогда пусть останется «жена Чэнь Цяна», — осторожно ответила женщина, бросив на Вэнь Жуня испытующий взгляд. Увидев, что он не возражает, она облегчённо выдохнула: — Я больше не собираюсь выходить замуж. Хочу только вырастить сына. Вам так угодно?

— Хорошо, — кивнул Вэнь Жунь и заплатил. Документ о продаже перешёл к нему в руки.

Мать с сыном последовали за ним к повозке. Мальчик всё время держал голову опущенной. У входа на «рынок людей» дежурил мелкий чиновник из уездной управы — оформление перехода прав собственности заняло всего несколько минут.

Потом Вэнь Жунь купил двух молодых буйволиц — теперь у них в доме будут крупные вьючные животные. Ещё он приобрёл крупного серого мула: сильный, выносливый, отлично подходит для работы. Вдобавок ему подарили телегу для мула — удобно будет ездить в уездный город.

Когда все дела были улажены, Вэнь Жунь не спеша покинул город и вернулся в Ляньхуаао.

Теперь дом Ванов сильно отличался от прежнего: одна лошадь, один мул, две молодые буйволицы, две свиньи, множество кур, уток и гусей. А ещё Лю Сань где-то раздобыл несколько щенков — сказал, что вырастут и будут сторожить дом.

Вернувшись, Вэнь Жунь передал новых слуг тёте Цуйхуа:

— Это жена Чэнь Цяна, а это её сын. Кстати, как зовут мальчика?

— Чэнь Сюй, — ответила женщина, крепко держа сына за руку. — «Сюй» — как «восходящее солнце».

— А, Чэнь Сюй. Хорошее имя, — одобрил Вэнь Жунь и повернулся к тёте Цуйхуа: — Пожалуйста, устрой их. Пусть живут рядом с тобой, в том единственном номере с двумя комнатами во внутреннем дворе. Им вдвоём как раз.

Ведь мальчику уже не совсем удобно жить в одной комнате с матерью, поэтому Вэнь Жунь специально выбрал для них двухкомнатное помещение во внутреннем флигеле.

В обеих комнатах были печи-каны, соединённые общей топкой: как только разожгут печь, обе комнаты сразу становились тёплыми.

Тётя Цуйхуа кивнула:

— Поняла. Идёмте со мной!

Жена Чэнь Цяна послушно последовала за ней. У них почти не было вещей — всего лишь по паре сменной одежды, даже котомки не было.

К счастью, Вэнь Жунь, опасаясь холода и зная, что в доме есть дети, заранее позаботился: когда тётя Цуйхуа шила постельное бельё для работников, он велел сшить ещё четыре комплекта — толстые стёганные одеяла, плотные матрасы и подушки.

Сегодня они как разгодились — всё новое, с белоснежной подкладкой и простой, но чистой холщовой наволочкой.

Разместив людей, нужно было позаботиться и о скоте. Шестеро работников обрадовались: теперь у них будет дело поважнее, чем просто подметать двор и колоть дрова!

Да и крупный скот — это большая помощь. С ним и работать легче!

Вэнь Жунь тем временем достал документ на землю и протянул его Ван Цзиню:

— Вот, оформил на тебя. Теперь земля записана на твоё имя.

Ван Цзинь растерялся:

— Старший зять... так быстро?..

— Конечно! — улыбнулся Вэнь Жунь. — Каждый год будешь сдавать эту землю в аренду, а полученный урожай считай своим пропитанием. Не стесняйся, не чувствуй себя чужим — в этом доме ты мне как родной младший брат.

Он ласково потрепал Ван Цзиню по голове:

— Ладно, иди помой руки, скоро ужинать будем.

Ужин, как обычно, приготовила тётя Цуйхуа: утка, тушенная с имбирём, тофу с мясом и суп из рёбер с лотосовым корнем.

На гарнир подали белый рис. По словам Вэнь Жуня, сейчас как раз сезон лотосового корня.

Внизу у горы, в излучине речки, возле Ляньхуаао, был небольшой естественный пруд. Туда почти никто не ходил, но летом он сам собой зарастал лотосами, а осенью там вызревал лотосовый корень. В этих местах лотосовый корень рос повсюду, поэтому стоил копейки: кто захочет — сходит и выкопает себе сколько нужно.

Сегодняшний корень прислал сын семьи Лао Лю: вчера они ходили копать лотос и принесли дому Ванов целую корзину — хватит всей семье на ужин.

Однако тётя Цуйхуа использовала лишь два корня — сварила из них суп.

А сама за стол не пришла. Когда она подавала блюда, то тихо сказала Вэнь Жуню:

— Я поем с женой Чэнь Цяна и её сыном. К вам не пойду. Она сказала, что нам не подобает сидеть за одним столом с вами.

Вэнь Жуню это не понравилось:

— Как так? В одном доме живём, а едим в трёх разных местах!

Он со своими тремя детьми за главным столом, две женщины с подростком на кухне, а шестеро работников — в переднем флигеле... Да ведь людей-то совсем немного, а уже разделились на три группы!

— Таковы правила, — мягко улыбнулась тётя Цуйхуа. — Мы ведь знаем, что господин Вэнь не из тех, кто гонится за чинами и формальностями, но всё же порядок должен быть. Со временем привыкнете.

С этими словами она ушла.

Вэнь Жунь посмотрел на детей, дети посмотрели на него.

— Ешьте, ешьте! — Вэнь Жунь первым взял палочки и начал накладывать еду детям.

Тем временем на кухне, у небольшого столика в углу, сидели трое: тётя Цуйхуа, жена Чэнь Цяна и Чэнь Сюй. Тётя Цуйхуа смотрела на мальчика и вдруг воскликнула, поражённо:

— Этот ребёнок...!

<http://bllate.org/book/15642/1398054>